

комм. ad loc., а также: "Эти шесть песен, каждая из которых самостоятельна и завершена сама по себе, не являясь частями наперед задуманного целого, должны тем не менее восприниматься как нечто, образующее известное единство" (Ibid. P. 248). См. также посмертно опубликованную статью: *Heinze R. Der Zyklus der Römeroden.*

Я.М.Боровский

VINDICIAE HORATIANAE ALTERAE

Предложенное нами новое толкование оды Горация, обращенной к очаровательнице Пирре,¹ донныне не встретило оценки в доступной нам научной печати. Поэтому представляется целесообразным уделить место в сборнике статей, посвященном двухтысячному юбилею Горация, вытекающей из этого толкования поправке к общеизвестному переводу А.Семенова-Тян-Шанского,² а также относящимся сюда материалам нашей научной переписки с необходимыми пояснительными замечаниями.

Hor., Carm., I, 5

Quis multa gracilis te puer in rosa
perfusus liquidis urget odoribus
grato, Pyrrha, sub antro?
cui flavam religas comam,

simplex munditiis? heu quotiens fidem
mutatosque deos flebit et aspera
nigris aequora ventis
emirabitur insolens,

qui nunc te fruitur credulus aurea,
qui semper vacuam, semper amabilem
sperat, nescius aurae
fallacis, .. miseri, quibus

intemptata nites: ne tabula sacrorum
votiva paries indicat uvida
suspendisse p'tenti
vestimenta maris deo.

К Пирре

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Кто тебя обнимал в гроте приветливым,
Весь в цветах, в ароматах,
Для кого завязала ты

Кудри в узел простой? Ах, сколько раз потом
Он измены судьбы будет оплакивать
И дивиться жестоким
Бурям моря страстей твоих,

Он, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей,
И не ведает ветра
Перемен... Но мне жалок тот,

Кто и взглядом твоим не был хоть раз согрет:
Про меня же гласит надпись обетная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы
(пер. А. Семенова-Тян-Шанского с поправкой³).

Многоточие в стихе 12 означает паузу, за которой следует концовка, содержащая философское осмысление любовной темы:⁴ любовь, даже и преходящая, есть благо. Сам Гораций когда-то потерпел крушение в плаваньи по предательскому любовному морю, но нашел в себе душевные силы преодолеть это бедствие, опираясь на память о минувшем счастье. Именно такую житейскую мудрость Гораций отчетливо выразил позднее в оде, обращенной к Меценату (Satm. III, 29, 41-48):

Лишь тот владеет волей свободной
И безмятежен, кто говорит себе:
"Сей день я прожил". Завтра тучей
Пусть занимает Юпитер небо

Иль ясным солнцем, — все же не властен он,
Что раз случилось, то повернуть назад,
Что время быстрое умчало,
То повернуть и не бывшим сделать
(пер. Н. Гинцбурга, с поправкой).

Это та же, восходящая еще к древнегреческой трагедии и живущая в веках, мысль,⁵ которой впоследствии Сенека придал особую афористическую заостренность: *habere eripitur, habuisse nunquam.*⁶

И то же находим у Марины Цветаевой: "Было, было, было — и как это бывшее несравненно больше, есть, чем сущее! Как есть навсегда есть! Как бывшего нет!"⁷ В этом высказывании Цветаевой с полной прямолинейностью выражено метафизическое предположение о неотменяемости прошлого, дважды облеченное Горацием в художественную форму.

Тот же идей навеяно стихотворение Иосифа Бродского "От окраины к центру":

...Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
и полны темноты,
и полны тишины и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою
(строфа 9).⁸

Ключевым камнем в композиции обращенной к Пирре оды являются слова *miseri quibus intemptata nites* (12-13⁹), вводящие *απρόδοκῆτις*¹⁰ переход от лиризма любовной сцены, описанной перед этим, к философскому осмыслению любовной темы. И

в этой философской концовке в свою очередь отчетливо выделяют-ся две части: 1) выбор поведения, определяемый этической позицией эпикурео-стоического мудреца;¹¹ 2) личный пример, подкрепляемый благодарственным жертвоприношением Морской Венере как покровительнице в плавании по морю любви.

Сформулированные здесь мною идеи развиваются также в прилагаемой ниже моей переписке с коллегами.¹²

Письмо берлинского профессора Г. Ганзена

Iacobo M. f. Borovskij Guntharius Hansen s. p. d.

Vindicias tuas Horatianas gaudio suspensus perlegi, et emiratus sum neminem ante te carmen illud tam perspicue et evidenter recte interpretatum esse. Sane dispositio ratioque non primo obtutu perspiciuntur. Sed mea quidem sententia dubitari non potest quin verba "miseri quibus intemptata nites" re vera laudationem amoris maximam contineant. Poetae animus inter gaudia et dolores fluctuare videtur: voluptatem amoris illis verbis obscurius pingit. Qui carmen Horatianum recte audit, intellegit istos homines miseros esse, qui amoris amaram dulcedinem numquam gustavere. Ut vita sic poesis semper ambigua esse debet, id quod tu optime ostendisti. Vincit tamen iudicium philosophum sapientem et gaudiis et doloribus amoris abstinere. Nescio an recte.

Admiror eruditionem tuam et ingenii acumen, quae nobis ad imitandum proponis. Annum novum felicem tibi precor.

Dabam Berolini a. d. VI kal. Ian.

A. D. MCMLXXXIII

Перевод

Якову М. Боровскому Гунтер Ганзен шлет большой привет.

Я прочел Ваши "Vindiciae Horatianae" с приподнятым настроением и удивился тому, что никто до Вас не истолковал это стихотворение столь отчетливо и с очевидностью правильно. Конечно, ход мысли не воспринимается с первого же взгляда. Но, по моему мнению, невозможно сомневаться в том, что слова "miseri quibus intemptata nites" в самом деле содержат величайшую похвалу любви. Представляется, что душа поэта колеблется между радостями и страданиями: наслаждение от любви он изображает в

этих словах более туманно. Тот, кто правильно воспринимает стихотворение Горация, понимает, что несчастны те люди, которые ни разу не вкусили горькую сладость любви. Поэзия всегда должна быть неоднозначна, как и жизнь, и Вы это показали наилучшим образом. Побеждает, однако, суждение, что мудрый философ воздерживается и от радостей, и от страданий любви. Не знаю, справедливо или нет.

Восхищаюсь Вашей ученостью и остротой ума, объектом подражания для нас. Желаю Вам счастливого Нового Года.

Берлин, 27 декабря 1983 г.

Ответ на письмо Г. Ганзена

Iacobus Borovskij Gunthario Hansen s. p. d.

Gratias tibi ago maximas, Vir Illustrissime, quod Vindicias meas Horatianas benigne excepisti. Recte enim mecum iudicas miseros ab Horatio significari non eos qui Pyrrhae amore capti sunt, sed eos qui Pyrrhae nitorem neglexerunt. Una in re tamen a te dissentio quod inde colligis ex mente Horati abstinendum esse philosopho et gaudiis et doloribus amoris. Si enim de vitae ratione instituenda quae quidem ex huius carminis consilio pateat quaerimus nihil invenio quod clarius hoc nomine loquatur quam locus egregius iam in Vindiciis meis laudatus, quem lubet iterum tibi in memoriam reducere:

Ille potens sui
laetusque deget cui licet in diem
dixisse: "vixi". cras vel atra
nube polum pater occupato
vel sole puro: non tamen irritum
quodcumque retro est efficiet neque
diffinget infectumque reddet
quod fugiens semel hora vexit.

Vale et mihi fave.

Tuus cordialiter Iacobus Borovskij.

Leninopoli, a. d. V Id. Aug. a. MCM

Перевод

Яков Боровский шлет большой привет Гюнтеру Ганзену.

Я весьма благодарен Вам, о славнейший муж, за то, что Вы благосклонно приняли мои "Vindiciae Horatianae". Ведь Вы, как и я, справедливо признаете, что Горацием характеризуются как несчастные не те, кто охвачен любовью к Пирре, а те, кто пренебрег блеском Пирры. В одном, однако, я не соглашаюсь с Вами, а именно, когда Вы делаете из этого вывод о том, что, по мнению Горация, философ должен воздерживаться и от радостей и от страданий любви. Ведь если мы ставим вопрос о способе устройства жизни, вытекающем из духа рассматриваемой оды, я не нахожу на эту тему ничего более красноречивого, чем замечательное место, которое я уже цитировал в моих "Vindiciae..." и которое хочется еще раз Вам напомнить:

Лишь тот владеет волей свободного
И безмятежен, кто говорит себе:
"Сей день я прожил". Завтра - тучей
Пусть занимает Юпитер небо
Иль ясным солнцем, - все же не властен он,
Что раз свершилось, то повернуть назад:
Что время быстрое умчалось,
То отменить иль не бывшим сделать
(Hor., Sat., III, 29, 41-48; пер. Н. Гинцбурга).

Будьте здоровы и благосклонны ко мне.

Сердечно Ваш Яков Боровский.

Ленинград, 9 августа 1990 г.

Письмо страсбургского профессора Р. Шиллинга

Humanissimo Viro
Iacobo Borovskij
S.P.D.

Grato animo Vindicias Horatianas tuas legisse me iuvat etiam si fortasse sententiae tuae omnino assentiri difficillius est. Nam mihi tuo impulsu iterum Horatianum (I, 5) legenti paulatim, post verba nigris...ventis...aurae fallacis, maris quaedam imago ante oculos surgere videtur, quae versus ultimi verbis ("ma-

ris deo") clarissima apparet. Ideo Pyrrham mai motibus variantibus comparare poetae placuit, quod, tum amabiliter nitore, tum asperius minans "nigris aequora ventis" turbantibus homines ad perniciem trahere potest.

Quod ad verbum intemptata attinet, hoc fere eandem vim atque ἀπειρατος, habet, ut docuerunt Kiessling - Heinze cf. Πόντος ἀπειρατος ἐν τοῖς Ἑλλησπονδοῖς (Luc., Toxaris, 3); vide etiam temptare Thetim ratibus (Verg., Buc. IV, 32). - Itaque puellam mari semper mutanti similem esse contendit Horatius, cum miseros illos proclamat qui (post "gracilem puerum") iam Pyrrhae nitore illecti nondum istius fallaciam temptaverint, quam certe experientur.¹³

Sic fortiter genus adversativae syntaxis per asyndeton eminet inter miseri (v.12) atque me (v.13). Nam Horatius hoc saltem loco se salvum profitetur (quamquam altero loco - C. III, 26 - num "incolumis" evaserit dubitari potest). Quapropter "maris deo" votivam tabulam suspendisse adserit: ut recte putasti, cum illustri Zielinski, maris deo ad Venerem marinam (cf. C., III, 26,5) referre debemus, quamquam hoc quoque addi potest: fortasse "maris deo" (pro dea) ita usus est poeta ut quasi per iocum a Neptuno (=obviam occurrenti lectione) ad Venerem (=subtiliorem potentioremque lectionem) mentem nostram inducere posset (deus adhibetur eodem modo atque apud Vergilium, Ae. II, 632, ducente deo quod sine dubio Venerem demonstrat).

Ut cumque valet nostra disputatio, tibi gratias sinceram agens te semper valere iubeo.

Argentorati, die XIII Iun.

MCMLXXXIII

Robert Schilling.

Перевод

Якову Боровскому, мужу любезнейшему, большой привет!

Мне было приятно с благодарностью читать Ваши "Vindiciae Horatianae", хотя согласиться полностью с Вашим мнением мне будет, пожалуй, трудно. Ибо когда я, побужденный Вами, стал снова медленно читать оду Горация (I, 5), после слов nigris... ventis... aurae fallacis у меня как будто возникает перед глазами некий образ моря, который со словами последнего стиха ("ma-

deo) появляется с полной ясностью. Таким образом, поэт пожелал сравнить Пирру с переменчивыми движениями моря, которое то лобезным блеском, то сурово угрожая *nigris aequora ventis*, может увлечь человека в погибель.

Что касается слова *intemptata*, то оно имеет примерно то же значение, что и *ἀπειράτος*, как это разъяснили Кислинг-Гейнце: ср. *Πούτος ἀπειράτος ἐτι τοῖς Ἐλλησι* (Luc., *Toxaris*, 3); см. также *temptare Thetim ratibus* (Verg., *Buc.* 4,32). Итак, Гораций утверждает, что эта девушка подобна все время меняющемуся морю, объявляя несчастными тех, кто (после "стройного мальчика"), увлеченные блеском Пирры, еще не испытали ее обмана, но непременно его изведуют.

Таким образом, адверсативный синтаксис проявляется через бессоюзие между *miseri* (ст.12) и *me* (ст.13): ведь Гораций в этом месте во всяком случае утверждает, что уцелел (хотя можно сомневаться, спасся ли он "невредимым", в Оде III,26). По этой-то причине, утверждает он, он повесил посвятельную табличку "maris deo": как Вы справедливо предположили вслед за славным Зеллинским, "maris deo" мы должны отнести к Венере морской (ср. Ода III,26), хотя и здесь можно добавить: вероятно, выражение "maris deo" (вместо dea) поэт употребил таким образом, чтобы как бы в шутку перевести нашу мысль от Нептуна (= понимания непосредственно напрашивающегося) к Венере (пониманию более глубокому и правильному); слово *deus* употреблено таким же образом, как и у Вергилия (Энеида II,632), где *ducente deo*, без сомнения, обозначает Венеру.

Каков бы ни был наш спор, принося Вам искреннюю благодарность, желаю постоянно доброго здоровья.

Страсбург 13 июня
1983 г.

Роберт Шиллинг.

Ответ на письмо Р.Шиллинга

Iacobus Borovskij Roberto Schilling

s.p.d.

Gratias tibi, Vir Illustrime, ego ob epistulam criticam ad me datam. At ut sine ambagibus animi sententiam prosum, non mihi persuasisti. Profers res notissimas, imprimis - continere

carmen Horatianum I,5 comparationem pulcherrimam amoris femini cum fallacitate maris tum placidi et homines ad navigationem suscipiendam quasi invitantis, tum fide rupta ad calamitatem et perniciem agentis. Ne id quidem cuiquam dubium est quin "deus maris potens" (v.16) *Venerem* significet. At non video cur censeas haec cum interpretatione mea conciliari non posse, aut omnino attinere ad quaestionem quam mihi disceptandam proposui. Est autem haec: quos miseros existimat Horatius, utrum amatores qui perfidia Pyrrhae affecti sunt - inter quos etiam ipse est - an eos qui propria vili prudentia ab amore Pyrrhae alieni permanserunt? Haec autem quaestio tota pendet ab eo, an recte dicatur "intemptata" de Pyrrha cuius amorem puer ille instantissime expetat. Quae rit, flagitat, temptat denique fidem et constantiam Pyrrhae, mox inconstantiam et malam fidem experietur. Nam temptare et experiri sunt res diversae etsi quadam ratione inter se conexas. Ita quod tibi scribenti ab extremo calamo delapsam est "Pyrrhae fallaciam nondum temptasse" nihil aliud significare potest quam "Pyrrham fallere nondum conatos esse". Itaque nihil restat quam ut iterum affirmem: inexpertam ab amatore suo dicere possumus Pyrrham, intemptatam nequam. Contra, qui Pomponianae praedicationi obsequentes Pyrrham neglegunt eis intemptata nitet.

Accedit argumentum ex consensu cum philosophia Horatiana tam luculenter exposita carmine III,29. Quam rem gravissimam prorsus retices.

Ceterum hanc occasionem arripio ut tibi iterum atque iterum gratuler de libro tibi dicato qui certe et nobis et dissensionibus si quae inter nos extant superstes erit.

Vale.

Iacobus Borovskij

Leninopoli, Nonis Quint.a.MCMLXXXIII

Перевод

Яков Боровский шлет большой привет Роберту Шиллингу.

Благодаря Вас, славнейший муж, за Ваше критическое письмо, адресованное мне. Однако, - чтобы высказать прямо мое мнение - Вы меня не убедили. Прежде всего, Вы излагаете вещь общеизвест-

ную, а именно, что Ода Горация I,5 содержит прекраснейшее сравнение женской любви с обманчивостью моря — то спокойного и словно приглашающего людей отправиться в плавание, то, нарушив обещание, несущего беду и погибель. Никто не сомневается в том, что слова "deus maris potens" (ст.16) означают Венеру. Но я не вижу, почему Вы считаете, что это не может быть согласовано с моей интерпретацией и, вообще, какое это отношение имеет к вопросу, который я решил рассмотреть. Ведь он заключается в следующем: кого считает нечастными Гораций, возлюбленных Пирры, пострадавших от ее неверности (к числу которых принадлежит и он сам), или тех, кто из-за своего изменного благоразумия остались чужды любви к Пирре? А этот вопрос целиком зависит от того, можно ли правильно сказать "intemptata" о Пирре, любви которой настоятельнейшим образом домогается этот юноша. Он ищет, требует, наконец испытывает преданность и постоянство Пирры, а предстоит ему испытать ее непостоянство и вероломство. Ведь испытывать и испытать — вещи разные, хотя и связанные между собой. А то выражение, которое проскользнуло у Вас (Pyrrhae fallaciam pondum temptasse) не может означать ничего иного, кроме: "еще не попытались обмануть Пирру". Таким образом, не остается ничего иного, кроме как подтвердить слова: мы можем говорить, что Пирра "не испытана" (inexpertam) своим возлюбленным, но ни в коем случае не можем сказать, что она для него "не испытываема" (intemptatam). Но она "блистает, неиспытанная" для тех, кто, следуя предписанию Помпония, пренебрегает Пиррой.

Присоединяется еще и довод из согласия нашей интерпретации с философией Горация, столь ясно изложенной в оде П.29. Между тем Вы полностью обходите молчанием это важнейшее обстоятельство.

Впрочем, пользуясь случаем еще и еще раз поздравить Вас с выходом тома, посвященного Вам, который, конечно, переживет и нас и те разногласия, которые могут быть между нами.

Будьте здоровы.

Яков Боровский.

Ленинград, 7 июля 1983 г.

Примечания

¹ Intemptata nites. К стихотворению Горация I,5 (Вестник древней истории. 1977. № I. С. 192-196); Intemptata nites. Ad Hor. Carm., I,5 // Quaderni dell'Istituto di Filologia Latina. Università di Padova, Facoltà di Magistero. 1976. N 4, 93-98; Vindiciae Horatianae // Hommages à Robert Schilling. Paris, 1983. P. 249-252.

² Квинт Гораций Флакк / Пер. с лат. М., 1970. С. 18.

³ Заменены следующие слова в стихах 12-13:

О несчастные

Все, пред кем ты блистали светом обманчивым!

(Дословный перевод соответствующих слов оригинала: "Жалки те, кому ты блистаешь, оставаясь не посягаемой", т.е., кто равнодушен к твоему блеску).

⁴ О склонности Горация supprimer les transitions говорит Э. Курбо в кн.: C o u r b a u d Ed. Horace. Sa vie et sa pensée à l'époque des épîtres. Paris, 1914. P. 183: Il ne lui déplait point qu'il reste à compléter, à deviner même, pour le lecteur.

⁵ ὄνον γὰρ αὐτοῦ καὶ ἰδὲς στερίσκειται
ἀγένητα ποιεῖν ἄσ' ἂν ἢ ξειρωσμένα
(Agath., fr.5 B)

⁶ Русский перевод: Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. ХCVIII,II (С.А.Ошеров).

⁷ Волошин М. Сборник материалов. М., 1976. С. 159.

⁸ Стихотворения Иосифа Бродского. Л., 1990.

⁹ "Es klingt beinahe wie eine Sentenz" (Pöschl V. Horazische Lyrik. Heidelberg, 1970. S.23).

¹⁰ Ср. общеизвестный пример этой фигуры у Горация — Carm. III, 26.

¹¹ Hor., Ep., I, 1, 13-15.

¹² Латинский подлинник писем дан также в русском переводе для менее подготовленных читателей.

¹³ Hoc vocabulo collega Schilling callidissime — sed contra se ipsum — usus est, ne diceret "temptabunt".